

Глава 1

Меня будят выстрелы — оглушающе громкие в ночной темноте. Я открываю глаза и сначала не понимаю, где я и что происходит. Мама уже встала и подбежала к окну.

— Немцы? — спрашивает Бетта с соседней кровати.

Мама не отвечает. Она смотрит в окно, пытается понять, что случилось. На Виа дела Реджинелла пусто. Тогда она распахивает ставни и высовывается дальше, чтобы разглядеть конец улицы со стороны портика Октавии. На маминых волосах оседают капли дождя. В свете фонаря они сверкают, словно множество маленьких огоньков. У меня очень красивая мама.

— Немцы? — снова спрашивает Бетта. Она старшая из девочек и любит вести себя как взрослая.

— Нет. Никого.

Но выстрелы раздаются снова — близкой очередью, как будто кто-то пускает фейерверки. Вот только сейчас война, и никому бы такое даже в голову не пришло.

Мама отходит от окна и закрывает ставни.

— Это далеко, — шепчет она, — не бойтесь.

И правда, выстрелы, кажется, раздаются за Тибром.

— Какой-то пьянчуга решил поиграть в тир, — говорит мама шутливым тоном, но ее голос дрожит. — Спице, еще рано.

Она проходит мимо кровати, где мы лежим вдвоем с братом. Он тихо стонет.

— Болит? — спрашивает мама с беспокойством.

Нандо молча на нее смотрит.

Она кладет ему руку на лоб, как будто проверяет температуру. Но жара у Нандо нет, просто маме хочется погладить его по голове.

— Попозже поедем в больницу, — говорит мама. Она собирается что-то добавить, я вижу, как она кусает губы. Мама хотела бы взять Нандо на руки и укачивать, но сдерживается. Ему четырнадцать, он почти мужчина, а мужчину не возьмешь на ручки. Но с тех пор как Нандо заболел, он словно опять стал

маленьким мальчиком. Мама снова гладит его и говорит, что в больнице ему дадут лекарство и боль пройдет.

Я бы тоже хотел, чтобы она гладила меня по голове, обнимала, беспокоилась, называла «моя радость». Тогда я бы чувствовал себя особенным. Но я, слава богу, здоров. А вот Нандо мучается, и в последнее время ему только хуже, и мама исстрадалась из-за него.

Его тогда принесли домой белым как полотно и холодным как ледышка. Мама уложила брата на кровать, сверху накрыла всеми одеялами, которые у нас были, и принялась растирать ему руки и ноги, пока они снова не стали нормального цвета. С тех пор как Нандо болеет, мы, здоровые дети, для нее будто тени. Иногда мама замирает и долго смотрит на него, словно прикидывает, как бы сшить ему новое, здоровое тело. Она прекрасно шьет, моя мама, так может заштопать одежду, что и не заметишь. Если она кладет брюки под иглу машинки «Зингер», будь уверен: низ выйдет идеальным.

Мама возвращается к окну. Выстрелы не затихают, они раздаются вокруг гетто, запирая нас внутри наедине со страхом. Они предупреждают: «Хочешь остаться в живых — сиди дома».

Я сворачиваюсь калачиком под одеялами, мне не холодно, на улице октябрь, и пока довольно тепло, но сердце колотится как бешеное.

Чтобы отвлечься, я думаю о фильме «Фуга на два голоса», мы смотрели его в кино вчера днем. Может, даже на днях сходим на него еще раз.

«Мы с тобой одни в ночи», — пел Джино Беки, который сыграл в фильме главную роль, а мама тихонько ему подпевала. Она обожает кино, потому что там ты погружаешься в волшебный мир, где не случается ничего плохого, и пару часов ты счастлив. Как только нам удастся накопить семь лир (по одной на каждого), мы отправляемся на Пьяцца дель Джезу, в центральный кинотеатр, и проводим немного времени без грустных мыслей. «Вы уж посмотрите фильм пару раз, и за меня тоже!» — говорит папа, он-то в кино не ходит. Мама опускает голову и улыбается, хоть и времена нынче тяжелые. Я похож на нее — никогда не унываю. Я знаю, что мы бедные, что сейчас война и голод и все такое, но нельзя же все время отчаиваться! Если тебе выпало что-то хорошее, не упusti это — так и жизнь станет лучше. Мой девиз «Кто может — спасайся!», и я спасаюсь мечтами, потому что в них всегда можно убежать.

Вечером мы вернулись домой, и мама вновь замурыкала песенку, пока готовила пасту с сыром

и черным перцем — шикарный ужин. Я украдкой смотрел на нее из-за двери. Мне казалось, что она красивее всех женщин на свете — с прядью, которая лезет ей в глаза, и длинными волосами, заколотыми на затылке шпильками. Она была красивой, даже когда подстриглась под мальчика, и мы вшестером ужасно боялись, что папа рассердится, ведь тогда женщины с накрашенными губами, маникюром и модными стрижками считались легкомысленными. И как вы думаете, чем все закончилось? Папа ничего не заметил! Мама терла сыр и напевала: «Мы с тобою в свете луны...» Но когда пришли остальные, она замолчала: война есть война, на войне не до песен.

Пока я погружен в свои мысли, Виа делла Реджигелла наполняется людьми. И вот уже по сан-пьетрини* стучат каблуки, в двери бьют приклады, и раздаются лающие приказы на немецком.

— Они увозят мужчин, — мама почти кричит, но сразу понижает голос. — Я схожу к Термини**, предупрежу отца, чтобы он не приходил домой. Здесь слишком опасно. Если его увидят, то схватят.

* *Сан-пьетрини* — камни, которыми вымощено множество мостовых в историческом центре Рима, в том числе площадь Святого Петра (Сан-Пьетро), откуда они и берут свое название. *Прим. пер.*

** *Термини* — главный железнодорожный вокзал Рима. *Прим. ред.*

Она права. Беда набросилась на нас, как волк из за-сады, и покой предыдущих дней обернулся обманом.

— Я туда и обратно, — говорит мама, набрасывая кофту на плечи. — Оставайтесь дома, никуда не уходите!

— Можно с тобой? — решаюсь я спросить. Я ведь большой, если что — сумею ее защитить. Но она уже в другой комнате, где спят наши дяди, тети и их дети. Дверь громко хлопает. Я вздрагиваю. С немцами на улице любой звук может обернуться бедой. Мне кажется, я слышу, как мама сбегает вниз по ступенькам. Но это иллюзия: стены толстые, а ступает она легко. Я подхожу к окну и смотрю на улицу.

Дождь все идет, Виа дела Реджинелла почти погрузилась в темноту. Немногочисленных фонарей не хватает, чтобы осветить ее, земля мокрая и скользкая. У входа в дом Сеттимии стоят солдаты с бумагами в руках.

«Списки!» — догадываюсь я, и меня охватывает бешенство.

Несколько недель назад немцы потребовали у нас, евреев римского гетто, пятьдесят килограммов золота, что-то вроде выкупа, за что обещали оставить нас в покое. Подполковник Капплер* — он сейчас

* *Полковник Густав Капплер* — оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности в Риме, военный преступник. *Прим. пер.*

командует в Риме — заявил, что, если мы не заплатим, они заберут двести мужчин из семей, чьи фамилии в списке, и отвезут их в Германию на фронт сражаться с русскими и умирать. Пятьдесят килограммов золота за один день? Да где это видано? Откуда взяться такому богатству, когда вокруг такая нищета? И тем не менее все принялись за дело, несли цепочки, браслеты, кольца... Даже католики нам помогли, они сказали, что бесчеловечно назначать цену за жизнь. В итоге все получилось: мы собрали и отдали немцам золото. Чего же им надо теперь?

Мама выходит из подъезда, прижимаясь к стене, и соскальзывает в темноту. Она молодец: двигается как тень, и никто ее не замечает. Я слежу за ней, и у меня часто бьется сердце. На Черепашьей площади* полно солдат, у одних в руках бумаги, у других — только винтовки, направленные на несчастных, которых они выволокли на улицу. Несмотря на страх, те требуют объяснений: «Что вам от нас надо? Зачем мы вам? Что...»

Немцы даже не думают отвечать, толкаются, подгоняют жестами («Быстро!», «Давай!»), тащат людей к грузовику — мне из окна видна часть кузова.

* *Черепашья площадь* — речь идет о Пьяцца Маттеи, на которой стоит фонтан Черепах. *Прим. ред.*

Другие, с дубинками в руках, бьют витрины, выбивают двери, пытаются вырвать рамы.

По крышам скользят тени людей, которые пытаются спрятаться или убежать. Две женщины прыгают из окна прямо во двор. Они что, с ума сошли? Так и убиться недолго!

Мама шагает спокойно, не медленно и не быстро. К счастью, немцы ее не замечают. Когда она добирается до улицы, которая ведет к площади Торре-Арджентина, я вновь могу дышать.

— Надо одеться, — говорит Бетта, и мы подчиняемся.

В темноте она одевает и малышку Джемму. Та тоже почувствовала опасность и ведет себя тихо как мышь. Я надеваю кофту, брюки, носки. Иногда зимой ноги у меня становятся фиолетовыми от холода, но мне наплевать.

— Куда вы нас везете? — кричит женщина на улице.

Я бегу к окну. Она молода, на руках у нее ребенок. Уже слишком темно, и я не узнаю ее, она упирается и не хочет идти. Солдат сильно толкает ее, женщина падает, младенец плачет, солдат берет его за шею и грозит ударить о стену. Она вскакивает на ноги и хватается за ребенка:

— Не бойся, — бормочет она, — ну же, моя радость, ш-ш-ш...

Остальные закидывают немцев вопросами, те не понимают по-итальянски и злятся, что их никто не слушается. Один мужчина, все еще в пижаме, берется переводить:

— Они говорят, что отвезут мужчин в рабочие лагеря, а женщин — прислуживать у них дома. Старики и больные тоже должны ехать, потому что в лагере есть медпункт и их вылечат... — Он замолкает на мгновение, слушает слова офицера. — Говорят, это временно, пока они не выиграют войну, потом мы сможем вернуться к прежней жизни.

Ложь от начала до конца, но все стараются поверить в нее хотя бы на мгновение.

Нашу дверь никто не вышибает, никто не приказывает нам собирать вещи и выходить.

— Может, нас нет в списке, — шепчу я.

Бетта подходит ко мне и тоже смотрит на улицу.

— Может быть, — отвечает она тихо. — Все равнождемся маму и сбежим отсюда.

Остальные снова улеглись в кровати, Бетта рядом с Джеммой. А я все стою, прячусь за ставнями, мысленно следую за мамой: от Черепашьей площади, по Виа Паганика, она уже наверняка дошла до Торре-Арджентина и села на автобус до вокзала.

— Запомни, автобус называется «М — Б», — сказала мама, когда впервые отправила меня на вокзал

Термини одного. — Наверху на нем должно быть написано «М — Б», это значит «Макао — Борго»^{*}.

Я сразу усвоил, что «М — Б» значит «Макао — Борго» и что автобус с такой надписью отходит от Термини и идет к Ватикану.

Минуты текут, мамы все нет. Наверное, она пройдет не через Черепашью площадь, где полным-полно немцев, а со стороны портика Октавии. Я встаю на цыпочки, чтобы увидеть улицу как можно дальше, но там только эсэсовцы и группы шагающих людей.

Часы на комоде показывают 5:25. Снаружи еще темно, дождь все идет, каски блестят от воды, дети плачут и зовут матерей, а солдаты злятся и кричат все громче.

Я словно внутри ночного кошмара. Вчера еще казалось, что мы в безопасности, мы верили слову немцев, думали, что они уважают договоренности, а на самом деле... кругом один обман.

Хорошо, что папа отправился работать несмотря на субботу.

^{*} В наши дни район Рима, где находится Термини, носит название Кастро-Преторио; о прежнем названии напоминает Виа дель Макао, она находится рядом с вокзалом. Борго — район Рима, граничащий с Ватиканом. Маршрут «М — Б» соответствует современной автобусной линии № 64. *Прим. ред.*

Для нас, евреев, суббота — день отдыха. Поэтому-то немцы и застали всех дома. Папа говорит, что следует чтить субботу, ведь так велел Бог, но, когда семья нуждается, Бог не оскорбится, если ты заработаешь несколько чентезимо^{*} на хлеб с маслом для своих родных.

Мой папа — уличный торговец. Он продает всякую всячину: открытки, расчески, кошельки, брелочки, — немцам, прибывающим с воинскими эшелонами, и солдатам, которые возвращаются с фронта. Они приезжают в основном ночью, поэтому и работает папа по ночам. Домой он приходит к полудню, мама ждет его у окна. Если он, видя ее, еще с улицы подает знак, что сегодня не заработал ни лиры, она одалживает денег у соседки, чтобы поставить на стол хоть что-нибудь.

Здесь все так делают, по крайней мере на обед. А вечером мы часто ложимся спать на голодный желудок, съев только одну картошку или кусок хлеба. В доме у нас три семьи, и хуже всего, когда у одних есть еда, а у других — нет. Ты ешь, а остальные смотрят тебе в рот, и кусок не лезет в горло. Вот что делают с людьми война и бедность.

Папа встал, как обычно, около трех. Его ремень упал на пол, пряжка задребезжала, как монетка, и я проснулся.

* *Чентезимо* — монета в Италии до 2002 года. В 1 итальянской лире было 100 чентезимо. *Прим. ред.*

— Пап...

— Спи, Эмануэле, — отозвался он, — еще рано.

Наши ставни пропускают свет, поэтому я видел, как он надевает брюки и рубашку. Потом он ополоснул лицо водой из тазика, взял шляпу и сказал маме: «Джинотта, я пошел». Он говорил тихо, чтобы не разбудить остальных, особенно малышку: если она начинает плакать, это надолго. Мою маму зовут Вирджиния, Вирджиния Пьяцца, но в семье все называют ее Джиноттой.

После его ухода я заснул не сразу, но не из-за шума. В три часа немцы еще не начали стрелять, и на Виа делла Реджинелла стояла тишина, какая бывает, когда все спят. Казалось, эта ночь такая же, как обычно. Я вспоминал фильм и мечтал об Эстер. Она мне очень нравится, но лучше бы мне выкинуть ее из головы, потому что она богатая, а я бедный, а мама говорит, что у богатых с бедными ничего не получится. Но мечтать-то можно о чем угодно. Я представлял, как беру ее за руку и мы уходим подальше от чужих глаз.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

